

Информация для цитирования:

Бородина Е. В. Структура и численность населения раннего Екатеринбурга (1723—1744 гг.) / Е. В. Бородина, С. И. Цеменкова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 339—371. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-339-371.

Borodina, E. V., Tsemenkova, S. I. (2023). Population Structure and Size of Early Yekaterinburg (1723—1744). *Nauchnyi dialog*, 12 (9): 339-371. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-339-371. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-339-371

Структура и численность населения раннего Екатеринбурга (1723—1744 годы)

Бородина Елена Васильевна^{1*}

orcid.org/0000-0002-8128-5698

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
центра социальной истории

**корреспондирующий автор*

sosnovi-bor@yandex.ru

Цеменкова Светлана Ивановна²

orcid.org/0000-0003-3389-6723

кандидат исторических наук, доцент
кафедры документоведения,
архивоведения и истории
государственного управления
s.i.tcemenkova@urfu.ru

¹ Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

² Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина,
(Екатеринбург, Россия)

Population Structure and Size of Early Yekaterinburg (1723—1744)

Elena V. Borodina^{1*}

orcid.org/0000-0002-8128-5698

PhD in History,
Senior Researcher,
Center for Social History

* *Corresponding author*

sosnovi-bor@yandex.ru

Svetlana I. Tsemenkova²

orcid.org/0000-0003-3389-6723

PhD in History, Associate Professor
Department of Document Studies,
Archival Studies, and History
of Public Administration
s.i.tcemenkova@urfu.ru

¹ Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

² Ural Federal University
named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию социальной структуры населения раннего Екатеринбурга. Основной целью стала проблема изучения отдельных социальных групп населения, а также специфики их формирования в ситуации быстрорастущего и развивающегося промышленного и административного центра. Источниковую базу исследования составили документальные источники официального делопроизводства, наиболее значимыми из которых стали данные локальных (заводских) переписей жителей завода-крепости 1720—1740-х годов. Выявлены и охарактеризованы с опорой на методы количественного анализа и подходы социальной истории основные социальные группы населения. Установлена их численность, проанализирована история формирования и специфика занятости в горнозаводском производстве. Сделаны выводы о наличии у горнозаводской администрации особой социальной политики. Выявлено, что она была направлена не только на поддержание оптимальной работоспособности тружеников, но и на поступательное расширение группы заводских кадров за счет включения в трудовые процессы представителей новых социальных групп: солдат, рекрутов, школьников, ссыльных, каторжных. Показано, что к середине XVIII века Екатеринбург, основанный в 1723 году, был по уровню развития инфраструктуры, наличию административных, промышленных, социальных институтов, составу населения не уступал как старинным, так и новым городским центрам.

Ключевые слова:

история России; Российская империя; история Урала; Екатеринбург; переписи; население; социальная структура.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is dedicated to the study of the social structure of the population of early Ekaterinburg. The main objective was to investigate individual social groups of the population, as well as the specifics of their formation in a situation of a rapidly growing and developing industrial and administrative center. The research was based on documentary sources of official record-keeping, the most significant of which were the data from local (factory) censuses of residents of the fortress factory in the 1720s — 1740s. Using quantitative analysis methods and social history approaches, the main social groups of the population were identified and characterized. Their numbers were determined, and the history of their formation and employment specifics in the mining industry were analyzed. The conclusions were drawn about the existence of a special social policy by the mining plant administration. It was found that it was aimed not only at maintaining optimal working capacity but also at progressively expanding the group of factory personnel by including representatives of new social groups such as soldiers, recruits, schoolchildren, exiles, and convicts in labor processes. It was shown that by the mid-18th century, Ekaterinburg, founded in 1723, was not inferior to both old and new urban centers in terms of infrastructure development, administrative, industrial, and social institutions, and population composition.

Key words:

Russian history; Russian Empire; Ural history; Yekaterinburg; censuses; population; social structure.

Структура и численность населения раннего Екатеринбурга (1723—1744 годы)

© Бородина Е. В., Цеменкова С. И., 2023

1. Введение = Introduction

На сегодняшний день урбанистика является популярным направлением междисциплинарных исследований. Как правило, изучение города ведется на стыке нескольких областей знания и тем самым представляет большие возможности для понимания основных тенденций его развития. Немаловажной частью этого направления следует назвать историческую урбанистику, начало формирования которой приходится на 1930—1960-е годы [Агеев, 2014; Биттнер, 2010; Бородкин, 2015]. Несмотря на то, что историческая урбанистика интенсивно развивается в России, некоторые аспекты жизни городских поселений в исторической ретроспективе остаются еще практически неизученными. В частности, редко встречаются работы, которые бы освещали изменения социального состава и численности населения города на разных этапах его существования. В большинстве случаев они ограничиваются подсчетами количества людей, проживающих в пределах территории населенного пункта в отдельные периоды его развития [Chandler, 1974; Chandler, 1987].

Между тем процесс складывания городского пространства как социального феномена требует осмысления. Особенности возникновения и структура поселения неизбежно воздействуют на модели межличностных отношений, уклад жизни и менталитет [Агеев, 2014, с. 80]. Таким образом, изменения социальной среды являются одной из важнейших констант, необходимых для понимания устройства города, его роли в развитии отдельно взятого локального сообщества, региона и страны в целом.

Исследования по демографической истории России конца XVII—XVIII веков немногочисленны. Несмотря на это обстоятельство, первые труды, содержащие элементарные сведения о численности и социальном составе населения Российской империи, относятся к XVIII веку [Горская, 1994, с. 23—39; Кирилов, 1977]. Аналитические работы, посвященные исследованию динамики народонаселения страны, появились в середине XIX — начале XX веков. Среди них труды К. Ф. Германа, К. И. Арсеньева, П. Н. Милюкова, М. В. Клочкова и других историков [Арсеньев, 1848; Герман, 1819; Клочков, 1911; Милюков, 1905 и др.]. Несмотря на стрем-

ление ученых произвести тщательную реконструкцию численности населения России раннего нового времени, эти работы являлись лишь первой попыткой обобщения разрозненных данных. Их авторами еще не были определены базовые подходы к объекту и предмету исследования. Изучение источников, содержащих данные о количестве дворов и проживавших в них людей, позволило им выяснить примерное количество мужского населения страны, но не способствовало формированию более критического подхода к информации, имеющейся в материалах переписей и ревизий.

В середине — второй половине XX века ученые продолжили изучение демографической истории Российской империи, опираясь преимущественно на данные переписей и ревизские сказки. Наибольший вклад в изучение народонаселения Российской империи XVIII — первой половины XIX веков внесли Я. Е. Водарский и В. М. Кабузан [Водарский, 1977; Кабузан, 1963]. Кроме того, в этот период начинаются активные исследования состава и численности городского населения страны. Появляются научные труды, посвященные социально-экономическим аспектам развития русского города [Водарский и др., 1979; Водарский и др., 2006; Клокман, 1967; Миронов, 1990; Сербина, 1951]. Отличительной особенностью этих работ становится проверка данных переписей и ревизий при помощи привлечения других источников, происходит расширение источниковой базы исследования за счет метрических книг и исповедных росписей. Историкам удалось представить изменение социально-демографического профиля страны в целом и русского города в частности в синхронной и диахронной перспективе, охватывающей от нескольких десятков до полутора сотен лет. Казалось бы, полученные сведения уже можно считать удовлетворительными результатами историко-демографических изысканий городских пространств, но исследования по истории города остаются востребованными.

Изучение истории города в России периода империи имеет длительную традицию, которая берет начало в XIX веке. В первую очередь в поле зрения ученых попали вопросы правового регулирования социального статуса горожан, права и обязанности посада и других категорий населения, проживавших в пределах города [Дитятин, 1875; Кизеветтер, 1903; Исторические очерки..., 2006; Рындзюнский, 1958]. С начала XX века исследователей также занимала проблема экономического развития городских территорий [Клокман, 1967; Миронов, 1990; Рожков, 1923]. Во второй половине XX века становятся востребованными социокультурные и этнографические исследования городской среды [Крогиус, 2009; Рабинович, 1978]. Разнообразие вопросов, связанных с постижением этого исторического феномена, было отмечено еще в 1920-е годы [Анциферов, 1925] и привело

к возникновению дискуссии о понятии русского города, которая велась на страницах сборников серии «Русский город» (1976—1982 гг.), издававшихся сотрудниками специализированной научно-исследовательской лаборатории по изучению русского города МГУ (1971—1981 гг.) [Карлов, 1976; Карлов, 1980; Карлов, 2020; Марасинова, 1976], и представлена в других публикациях [Бондарь, 2017; Рабинович, 1983].

Обсуждение последней из названных проблем связано с большим количеством ситуаций, сложившихся в истории Российской империи, когда населенные пункты, не имевшие статуса города, обладали необходимым набором признаков для того, чтобы ими считаться. Официальный город никогда не совпадал со всеми географическими, социальными или экономическими «городами»-центрами [Wirtschaftler, 1997]. Среди таких городов можно назвать Екатеринбург, который был учрежден как завод-крепость в 1723 году, но получил статус города лишь в 1780-е годы. Стремительное строительство Екатеринбурга и последующее заселение территории вокруг него были связаны с нуждами организации железодельного производства, что не могло не повлиять на социальный состав и численность населения будущего города. Последнее обстоятельство представляет значительный интерес, так как позволяет понять, каким образом происходило формирование населенных пунктов в условиях интенсивных административных и социально-экономических преобразований.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

История раннего Екатеринбурга кажется достаточно изученной, но такое впечатление создается лишь на первый взгляд. Комплексного исследования, посвященного истории формирования, социальному составу и численности населения города в первые десятилетия его существования, до сих пор нет. В вопросе определения общего количества и состава его жителей существует много неясностей. Ср. мнение М. А. Горловского, отмечавшего, что «точных данных о количестве и социальном составе населения Екатеринбургского завода конца 20-х — начала 40-х годов, к сожалению, нет» [Горловский, 1958, с. 118], остается актуальным.

Подтверждает этот вывод и анализ данных, представленных в современных исследованиях: ученые имеют разногласия в оценках численности населения Екатеринбурга даже в рамках определенных относительно небольших временных периодов [Корнилов, 2021, с. 93]. Так, например, в одной из своих статей А. Г. Оруджиева отметила, что в первый год функционирования завода-крепости количество жителей достигало 4000 человек [Оруджиева, 2002, с. 108]. Этой цифре противоречат сведения Н. С. Корепанова, который установил, что в 1725 году в Екатеринбурге проживало

около 500 человек [Екатеринбург..., 1923, с. 23; Корепанов, 2001, с. 34]. Перепись податного населения 1727 года зарегистрировала 745 душ мужского пола. Правда, в это число не вошли управители, духовенство, офицеры и солдаты [Корепанов, 2001, с. 34].

Разницу в подсчетах мы можем увидеть на примере обработки материалов полицейской переписи 1736 года. По данным М. А. Горловского, на территории завода-крепости проживало 911 лиц мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет [Горловский, 1958, с. 108]. Изучение тех же материалов Н. С. Корепановым позволило ему заключить, что в Екатеринбурге находилось в это время 1019 человек [Екатеринбург..., 1998, с. 28].

На наш взгляд, причина таких разночтений кроется в особенностях источниковой базы исследования. Работы по демографической истории России раннего нового времени являются редкостью и базируются преимущественно на материалах общегосударственных переписей и ревизий, которые, как правило, составлялись в условиях стихийно складывавшегося формуляра и при отсутствии четких правил категоризации населения [Волков, 1963, с. 255—306; Кошелева, 2004, с. 147—148, 152—155; Ляпин, 2021, с. 258—259]. Сведения, содержащиеся в метрических книгах и исповедных росписях обычно дают возможность верификации этих информационных пластов большого объема. В то же время они, как правило, содержат ограниченные данные о населении и не всегда позволяют сориентироваться в многообразии статусов зарегистрированных лиц. В ходе научной обработки документов кто-то из жителей населенного пункта мог выпасть из поля зрения исследователя. Нередки случаи, когда сам ученый устанавливал критерии для научной фиксации данных, которые не позволяли включить в состав жителей представителей тех или иных социальных групп. Далеко не все ученые различают такие демографические категории, как юридическое, или постоянное, и наличное население. Таким образом, можно отметить наличие противоречия в подходах к учету населения создателей источника и изучающего его историка-демографа.

Изучение изменения численности и состава населения Екатеринбурга в первые десятилетия его существования также затруднено в связи с неполнотой сведений, содержащихся в источниках. В нашем распоряжении оказались разнородные материалы, представленные общегосударственными и локальными переписями населения. Среди них следует отметить подворную перепись 1728 года [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 795, л. 559—606], полицейские переписи 1736 и 1738 годов [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 610, л. 246—282; там же, д. 996, л. 308—357], заводские переписи 1734 и 1744 годов [Там же, д. 450, л. 177—214 об.; Там же, д. 1071, л. 4—10, 47—47 об., 51, 86—106 об., 142—142 об., 144—157 об., 163].

Переписи основываются на разных принципах фиксации данных о жителях завода-крепости. В большинстве случаев сведения организованы в таблицы. Исключение составляют лишь материалы переписи 1744 года, которые представлены как в виде итоговых таблиц, содержащих сводные количественные данные, так и в форме поименных списков всех лиц, состоящих в ведении горнозаводского начальства. Несмотря на то, что переписчики представляли итоговые сведения в табличной форме, говорить о едином сложившемся формуляре для всех переписей мы не можем. Так, например, формуляр подворной переписи 1728 года состоит из пяти столбцов, которые содержат информацию: о статусе дворов (государевы или «свои» (частные)); об именах дворовладельцев и их статусе в системе горнозаводского ведомства; об общем количестве проживающих здесь душ (отдельно — мужского и женского пола). Заводская перепись 1734 года представлена в виде таблицы, состоящей из двух колонок: «время вступления в чины», имя и должность горнозаводского служителя. В ходе переписи 1738 года сведения о населении также фиксировались в таблице, состоящей из пяти столбцов со следующими заголовками: «дворов», «звание людей», «лет», «лошадей», «ружей». Последняя колонка «ружей» была поделена еще на шесть колонок: «фузей», «турок», «винтовок», «писчалей», «копей», «сайдаков», — что отражало цели создания этого документа. Именно обстоятельства проведения переписей определяют информационный потенциал анализируемых источников.

Наиболее полные сведения о населении Екатеринбурга дает подворная перепись 1728 года, в которой были зарегистрированы не только дворовладельцы, но и проживавшие на каждом подворье лица мужского и женского пола. В некоторых случаях сведения о них давались схематично и заключались лишь в сообщении информации об общем количестве мужчин и женщин, входивших в состав той или иной семьи. Итоговый документ представляет собой результат труда нескольких переписчиков, что предопределило некоторые различия в фиксации данных. Так, например, в некоторых случаях записи позволяют понять, что регистрации подлежали дети. В то же время в большинстве записей особых отметок о детях не имеется.

Полицейские переписи 1736 и 1738 годов были осуществлены для учета мужского населения завода-крепости, способного держать в руках оружие, что было необходимо в условиях организации обороны Екатеринбурга и его окрестностей от башкирского восстания 1735—1740 годов. Несмотря на то, что эти переписи также составлялись как подворные, в них были зарегистрированы только мужчины в возрасте от 15 до 60 лет. В редких случаях в записях документа встречаются женщины — вдовы и жены мужчин, отсутствовавших в момент проведения переписи.

В переписях 1734 и 1744 годов была зафиксирована только та часть населения Екатеринбурга, которая трудилась на фабриках либо служила в канцелярии и конторах «горной администрации» — Канцелярии Главного Сибирских и Казанских заводов правления. Создание этих документов преследовало цель учета жителей завода-крепости, подчинявшихся горнозаводскому ведомству, что, в свою очередь, было необходимо региональной администрации для адекватного распределения человеческих ресурсов между заводами Урала и Сибири. Население, не занятое в функционировании Екатеринбургского завода, не принималось составителями переписей во внимание.

Таким образом, анализ переписей показал, что каждый из этих документов имеет свои ограничения. В каждом случае население Екатеринбурга фиксировалось фрагментарно, что было обусловлено целями создания этих источников. Наиболее полные данные представлены в подворной переписи 1728 года, где были учтены как мужчины, так и женщины. В других случаях женское население города регистрировалось случайным образом, исходя из профессионального или социального статуса представительниц «слабого пола». В документах практически не нашли отражения сведения о детях.

Хронологические рамки исследования обусловлены стремлением авторов рассмотреть процесс складывания населения Екатеринбурга, формировавшегося не только как промышленный, но и административный и торгово-логистический центр. Этот процесс имел место в 1720-е — начале 1740-х годов, когда активно формировался уникальный социальный облик завода-крепости. В середине 1740-х годов изменилась социальная и промышленная политика государства, что оказало влияние на социальную структуру заводских поселков Урала, их рост и развитие.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проблема категоризации населения Екатеринбурга

Как уже было отмечено, исследование переписей осложняется проблемой категоризации населения. Это обстоятельство можно связать с неопределенностью, размытостью границ между социальными группами. Социальная организация Российской империи первой половины XVIII века была многосоставной, по сути дела, синтетической. Она соединяла в себе московские чины предыдущего столетия и новые социальные категории, установленные в соответствии с Табелью о рангах 1722 года и указом о проведении подушной переписи от 22 января 1719 года, в котором были перечислены основные группы податного населения страны [Анисимов, 1982, с. 63—79; ПСЗРИ-I, т. 5, № 3287, с. 618—620]. Трансформация социальной системы России не была естественной, как это было в большинстве

стран Европы, а определялась повелениями сверху. По мнению Э. К. Виртшафтер, с принятием Петром I титула императора происходит формальная реструктуризация институциональных рамок российского общества [Wirtschafter, 1997, p. 3]. Этому способствовали введение подушной подати, создание регулярных армии и флота, передача управления церковным имуществом в ведение Синода, а также утверждение Табели о рангах 1722 года, образование Сената и коллегий [Rieber, 1982, p. 34; Wirtschafter, 1990, p. 28]. Новая социальная организация во многом являлась искусственной и базировалась на идеях камерализма и регулярного полицейского государства, которые, по мнению первого российского императора, приведут страну к достижению всеобщего блага.

Тем не менее попытка внедрения новых начал в общественное устройство не повлекла к установлению в России сословной структуры, которая существовала в некоторых странах Европы [Rieber, 1982, p. 22; Wirtschafter, 1997, p. 163; Wirtschafter, 2008, p. 23]. Ученые до сих пор ведут дискуссии, можно ли называть социальную структуру страны того времени сословной [Burke, 1992, p. 1—12; Confino, 2008, p. 681—704; Dixon, 2015, p. 732—740; Freeze, 1986, p. 11—36]. Социальная организация Российской империи отличалась от социальных структур ряда других европейских стран, где социальная иерархия жестко определялась как на уровне законов, так и на уровне повседневных практик общества. Активные преобразования первой четверти XVIII века не только установили барьер между податными и привилегированными группами, но и заложили основы для формирования новых категорий общества, которые не вписывались в сословную организацию страны [Анисимов, 1982, с. 135—231; Rieber, 1982, p. 3; Wirtschafter, 1990, p. 26, 32—40, 49, 150; Wirtschafter, 1997, p. 43—45, 63—71; Wirtschafter, 2008, p. 24]. В частности, исследователи отмечают многомерность — текучесть и мозаичность — легально-административных структур города [Границы и маркеры..., 2018, с. 39; Wirtschafter, 1997, p. 134]. В связи с этим некоторые ученые описывают общество Российской империи при помощи подходов, обычно используемых для характеристики классовых обществ, которые в первую очередь применимы для анализа социальных структур стран англо-саксонского мира [Cannadine, 1998; Mousnier, 1973, p. 41; Reddy, 1992, p. 13—25; Wirtschafter, 1997, p. 21, 62, 97—99, 142].

По наблюдениям историков, социальная иерархия Российской империи основывалась на факторах половой принадлежности, возраста и происхождения [Wirtschafter, 2008, p. 83]. В каждом дворохозяйстве выстраивалась четкая субординация. Все члены семьи подчинялись ее главе. Люди, проживавшие на подворье, но не являвшиеся членами семьи, также были прямо или косвенно зависимы от решений главы семейства. Кроме того, все

они входили в состав других локальных или профессиональных сообществ, включались в разнообразные сети отношений [Там же, p. 103—104].

По мнению А. Дж. Рибера, Э. К. Виртшафтер, А. К. Смит и ряда других исследователей, в основу социального структурирования Российской империи были положены общественные категории («сословия»), указанные в Соборном уложении 1649 года, которые были дополнительно поделены на подгруппы, определявшиеся происхождением, сферой деятельности, должностным обязанностям и привилегиям, уровнем образования [Виртшафтер, 2002, с. 42; Rieber, 1982, p. 84; Wirtschafter, 2008, p. 84, Smith, 2014, p. 7—11, 49]. Тем не менее даже эти характеристики не могут в полной мере отразить процессы, которые оказывали воздействие на складывание населения раннего Екатеринбурга. Социальная организация завода-крепости является ярким примером того, как преобразования Петра I отразились на социальной стратификации российского общества, на которую влияли экономическое районирование и особенности занятий населения региона. Изучение источников позволяет прийти к выводу, что попытки широких обобщений и введение сословных или сословно-классовых наименований групп, которые нередко встречаются при характеристике социальной структуры поселения при Екатеринбургском заводе [см., например: Горловский, 1958, с. 114, 117], лишают нас понимания истинных оснований, на которых зиждилось его общественное устройство.

На наш взгляд, при исследовании социального состава Екатеринбурга в первую очередь следует отталкиваться от тех категорий, которые были зафиксированы в переписях. «Сравнительно-контекстуальный анализ использования понятий в исторических источниках может стать важным инструментом при выявлении социально-политических представлений и тактических установок практических действий» [Границы и маркеры..., 2018, с. 52]. Не отрицая необходимости создания генерализаций, авторы настоящей статьи обращают внимание на невозможность игнорирования понятийного аппарата, применявшегося при регистрации индивидов в источниках.

В рассматриваемых в статье документах мы встречаем повторяющиеся наименования групп населения, занятого в производственных процессах. Среди них мастера, подмастерья, работники, ученики, каменщики, плотники, кузнецы, бочкари, кирпичники, школьники, бобыли (безземельные крестьяне), бобыльские дети, рекруты, солдаты, солдатские дети и многие другие. Как можно заметить по приведенному списку, социальная идентификация зарегистрированных в переписях производилась либо за счет указания сферы занятий, либо путем определения социальной группы или семейной принадлежности. По-видимому, осуществлявшие учет делопроизводители не видели существенных различий между сословной и «профессиональной»

принадлежностью, что подтверждает мнение некоторых историков о том, что сфера занятости становилась в некоторых случаях ведущим признаком для определения места человека в социальной иерархии.

То, что казалось нормой составителям переписи, затрудняет установление критериев для более или менее адекватной категоризации населения раннего Екатеринбурга. Прежде чем вести подсчеты численности различных социальных групп, необходимо понять, какие социальные идентификаторы поддаются объединению. Ситуация осложняется лапидарностью содержащихся в источниках данных, служащих для описания социального статуса человека. В частности, вызывает затруднение объединение представителей таких профессиональных групп, как каменщики, кузнецы, плотники, бочкари и прочие. Если часть из них, например кузнецы, трудились на фабриках Екатеринбурга, то другие были заняты на вспомогательных производствах. Четкое определение сферы их деятельности не позволяет с уверенностью заключить, работали ли они на себя или в цехах Екатеринбургских фабрик. Кроме того, анализ документов о выдаче жалования не дает возможности понять, можно ли представителей этих профессий приравнять к мастерам или подмастерьям. Как правило, они не имели оклада и работали на сдельной основе.

Несмотря на сложности определения статуса, этих специалистов следует отнести к группе мастеровых людей. В частности, каменщики направлялись в Екатеринбург из соседних уездов, так как в регионе имелся их недостаток. То же касалось и мастеров такой редкой специализации, как часовщики. Несмотря на то, что такие «ремесленные люди» не составляли большинства работников горно-металлургического комплекса, все они были необходимы для его исправного функционирования.

Схожим образом происходило объединение в такие группы, как низшие офицерские чины и рядовые военные. Чтобы создать укрупненные социальные группы в среде военных, облегчающие анализ социального состава завода-крепости, потребовалось изучение Табели о рангах 1722 года и изданий, содержащих информацию о военных чинах. В группу низших офицерских чинов попали каптенармусы, капралы, сержанты, фельдфебели, подпрапорщики. В группу рядовых военных наряду с солдатами были включены затинщики, барабанщики, драгуны, солдаты.

Некоторые сложности возникли в ходе отнесения к определенной группе служащих, выполняющих инженерно-технические и контрольно-вспомогательные работы. Речь идет прежде всего о специалистах горного дела — маркшейдерах, берггауэрах, шихтмейстерах, пробирщиках, механиках, входящих в штат Обер-бергамта (с 1734 года — Канцелярии главного Сибирских и Казанских заводов правления). К этой же группе были отнесены геодезисты, ученики пробирного, механического, лесного дела.

В группу командиров и управителей вошли руководители Сибирского обер-бергамта и главы подчиненных ему контор и ведомств. Категория делопроизводители состояла из писцов, копиистов, канцелярских служителей и секретаря.

Объединение многообразного населения завода-крепости в группы на основе сословного признака или рода занятий позволило произвести подсчеты и сформировать таблицу, представляющую ценную информацию для анализа. Количественные данные предоставили возможность произвести исследование динамики численности различных социальных групп, проживавших в раннем Екатеринбурге (табл. 1).

Таблица 1

Социальные группы раннего Екатеринбурга (1728—1744 годы)

Год	1728 ¹		1734		1738		1744	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Командиры и управители	4	0,4	8	0,7	7	0,6	6	0,4
Горные и инженерно-технические специалисты	5	0,5	10	1,1	9	0,7	27	1,6
Мастера	118	12,9	128	11,9	169	13,9	170	10,2
Подмастерья	89	9,7	44	4,1	59	4,9	58	3,5
Ученики	94	10,2	108	10,0	46	3,8	78	4,7
Работники	85	9,3	46	4,3	99	8,1	196	11,7
Школьники	42	4,6	98	9,1	23	1,9	263	15,7
Рекруты	87	9,5	130 ²	12,1	168	13,8	333	19,9
Бобыли, бобыльские дети	121	13,2	—	—	131	10,8	—	—
Военные (офицеры)	8	0,9	—	—	25	2,1	25	1,5
Военные (рядовые)	144	15,7	3	0,3	68	5,6	333	19,9
Делопроизводители	53	5,8	94	8,7	72	5,9	106	6,3
Церковнослужители	2	0,2	—	—	3	0,2	—	—
Священнослужители	2	0,2	—	—	2	0,2	—	—
Вспомогательный персонал канцелярии и контор	8	0,9	45	4,2	32	2,6	22	1,3
Учителя школьные	1	0,1	2	0,2	1	0,1	4	0,2

1 В данный раздел таблицы не включено население, не состоявшее в ведении уральской горнозаводской администрации.

2 Из этой социальной группы 18 человек числились мастерами, 30 — в подмастерьях, 33 — в учениках, 36 — в работниках, 8 — в группе военных гарнизона, 2 работали при Канцелярии.

Окончание табл. 1

Год	1728 1		1734		1738		1744	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Медицинские работники	2	0,2	2	0,2	2	0,2	9	0,5
Купцы, торговые люди	16	1,8	—	—	13	1,1	—	—
Ссылные	—	—	251 ¹	23,3	53	4,4	—	—
Колодники, содержащиеся в тюрьме	—	—	74	6,9	—	—	—	—
«Излишние» мастера-вые и работные люди	—	—	10	0,9	—	—	—	—
Прочие	36	3,9	22	2	234	19,2	43	2,6
Всего	917	100,0	1075	100,0	1216	100,0	1673	100,0

Составлено по: [РГАДА. ф. 271. оп. 1. д. 795. л. 559—606; ГАСО. ф. 24. оп. 1. д. 450. л. 177—214 об., 671—682 об.; д. 996. л. 308—357; д. 1071. л. 4—10, 47—47 об., 51, 86—106 об., 142—142 об., 144—157 об., 163].

Дальнейшее исследование будет основываться на анализе количественных данных, извлеченных из переписей. Следует отметить, что полученные сведения не являются полными. Разные принципы, положенные в основу учета населения города в первые десятилетия его существования, влияют на оценку изменений численности тех или иных социальных групп.

3.2. Особенности формирования населения завода-крепости

Как уже было отмечено, история формирования состава населения раннего Екатеринбурга требует отдельного изучения. Это в первую очередь обусловлено тем обстоятельством, что население Екатеринбургского завода-крепости формировалось практически «с нуля» и состав его, равно как и изначальное количество, были predeterminedены производственными и административными задачами нового промышленного центра.

У российских администраторов уже имелся опыт привлечения рабочей силы для новопостроенных заводов. В этом отношении показательна история комплектования кадрами Олонецкого Петровского завода, строительство которого началось в 1703 году. Новое предприятие нуждалось в кадрах, и в конце 1705 года Оружейная палата по распоряжению А. Д. Меншикова направила на завод более сотни лучших тульских кузнецов-оружейников и мастеров [Пулькин, 2018]. Партии мастеровых присылались сюда еще как минимум дважды. Особо крупная группа специали-

1 Из этой социальной группы 5 человек числилось мастерами, 2 — учениками, 174 трудились работниками.

стов прибыла «на вечное жилье» в начале 1709 года. Это были мастеровые люди из таких городов России, как Москва, Великий Новгород, Суздаль, Тула, Ярославль, Тобольск и др. Период наибольшей интенсивности функционирования Олонецких заводов начинается в 1713 году, когда их руководителем становится В. де Геннин. Благодаря его стараниям Петровский завод становится не только значимым административным и промышленным центром, но и довольно крупным населенным пунктом. В 1719 году общее количество жителей слободы при Петровских заводах, включая жен и детей, превысило 3000 человек. Здесь была открыта своя техническая школа для детей мастеровых и работных людей, также при заводе состояла воинская команда (свыше 160 человек) и солидная группа подьячих. К заводу были приписаны крестьяне (свыше 8 тыс. дворов) [Пулькин, 2018], выполнявшие вспомогательные неквалифицированные работы.

История формирования населения Екатеринбургского завода-крепости повторяет практики, отработанные на Петровском заводе. Как и в Олонце, население нового уральского завода, должного стать не только главным казенным металлургическим, но и административным центром, комплектовалось по схеме привлечения необходимых кадров из других регионов. Например, делопроизводители и опытные администраторы прибывали в первые годы существования Екатеринбурга из Вятки и Тобольска, управители и командиры, то есть руководители всех уровней формирующейся системы горнозаводского управления, — из числа администраторов Сибирской губернии (в частности, Тобольска), выпускников военно-учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга [Цеменкова и др., 2022, с. 121—122].

Кроме того, еще одним источником формирования населения завода-крепости являлись «пришлые люди». В течение всего исследуемого периода в Екатеринбурге отмечались прибывающие из различных регионов Российской империи: губерний (Архангелогородской, Московской, Новгородской, Санкт-Петербургской, Сибирской), городов (Кунгура, Тюмени, Верхотурья) и слобод (например, Мурзинской, Арамашевской, Арамилской, Чюмляцкой). Уже в 1726 году, спустя три года после основания, в Екатеринбурге было учтено 354 «пришлых» человека, живущих в городе «своим двором и на подворьях» [ГАСО, ф. 24. оп. 1 д. 95. л. 57—73 об.]. Часть этих людей получала разрешение от «горного начальства» на поселение «в крепости и за крепостью» в основном для занятий ремеслом и торговлей.

3.3. Население, занятое в производственных процессах

Важнейшей для функционирования Екатеринбургского завода социальной группой были мастеровые люди. Их первая партия приехала на Урал вместе с В. де Генниным с Олонецких заводов. Это были русские и иностранные специалисты — мастера, подмастерья, ученики. Они при-

были на территорию строящегося завода на Исети осенью 1723 года на 49 подводах общим числом не менее 20 человек. Среди них были плавильные, укладные, машинные, молотовые мастера, колясники, мастера стального, проволочного дела и иной специализации [Геннин, 1995, с. 22—24]. В. де Геннин еще несколько раз вызывал с Олонецких заводов угольного и якорного мастеров, знатоков медеплавильного, гармахерского, маркшейдерского дела и многих других [Злотников, 1937, с. 28].

Пока не вполне ясно, были ли присланы олонецкие мастеровые люди на Урал на временное или постоянное жительство. Завершение Северной войны и передача Олонецких заводов из ведомства Адмиралтейства в ведение Берг-коллегии привели к постепенному затуханию их деятельности. По решению Берг-коллегии в ноябре 1731 года работы на Петровском заводе полностью прекратились, из прежних заводов продолжил действовать только Кончозерский [Юдина, 2008, с. 43]. В 1734 году часть специалистов с Олонца оставалась работать при Екатеринбургских заводах, составляя 36,5 % от общей численности мастеров, подмастерьев, учеников и 1,6 % от заводских работников [Подсчитано по: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 450, л. 185—208].

Группа мастеровых людей Екатеринбургского завода также пополнялась за счет специалистов других уральских предприятий. Так, одна из первых партий мастеров и подмастерьев была прислана по линии Тобольской земской конторы на строительство завода на Исети еще в начале 1723 года [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 26, л. 134—135]. Тогда же, в 1723—1724 годах, прибывают в новостроящийся завод-крепость мастеровые люди с Уктусского, Каменского, Алапаевского заводов, а также с заводов Демидовых [Там же, д. 450, л. 187 об, 191—192, 194, 195—198 об. и др.]. К 1734 году в процентном соотношении (к общей численности мастеровых Екатеринбурга) они были представлены следующим образом: Каменский дистрикт — 34,7 % мастеров, подмастерьев, учеников и 5,5 % работников; Алапаевский дистрикт — 25,4 % мастеров, подмастерьев, учеников и 2 % работников, Уктусский завод — 21,2 % мастеров, подмастерьев, учеников и 4,5 % ремесленников, заводы Демидова — 5,8 % мастеров и 1,6 % работников [Там же, л. 185—211 об.]. К 1730-м годам группа мастеровых и работных людей пополняется также специалистами из Арамильского дистрикта, некоторых городов Сибирской губернии (Тобольска, Тюмени, Верхотурья), а также из числа приписных крестьян и рекрутов, осваивавших заводское дело [Там же, л. 192—192 об., 195, 196 об.—197, 198 и пр.]. Количественный состав мастеровых людей в период 1728—1744 годов имеет положительную динамику: в 1728 году их числилось не менее 239 чел. (с ремесленниками — 269), в 1734 году — 303 чел., в 1744 году — порядка 306, хотя в целом их количество всегда было детерминировано горнозаводскими штатами.

Региональная администрация пыталась всеми способами насытить кадрами растущее и развивающееся металлургическое производство. Со второй половины 1720-х годов в группу мастеровых и работных людей было решено принимать желающих из солдат. Постепенно многие солдаты обзавелись семьями, приобрели дома и совершенно потеряли облик военнослужащих [Бородина, 2021, с. 33—48]. В течение второй половины 1720-х годов сформировались новые каналы, использовавшиеся для подготовки и расширения состава специалистов, трудившихся на уральских заводах. Наиболее важными среди них были рекрутские наборы, отправка на тяжелые работы каторжных и ссыльных и организация школ.

Для обеспечения заводов вспомогательной рабочей силой В. де Геннин добился приписки к ним государственных крестьян. Указом Петра I от 29 мая 1724 года и Плакатом о подушном сборе от 26 июня 1724 года [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1028, л. 346; ПСЗРИ-I, т. 7, № 4518, с. 291—292; № 4533, с. 312—313], отчасти вызванными доношением В. де Геннина, повелевалось «к заводам для работ приписать слободы, без которых обойтись не можно..., подушные деньги на тех заводах им зарабатывать...» [ПСЗРИ-I, т. 7, № 4518, с. 292]. К Екатеринбургскому заводу были приписаны крестьяне пяти слобод: Камышловской, Красноярской, Пышминской, Тамакульской, Белослужкой — общей численностью в 5025 человек [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1027, л. 201—211]. Приписных крестьян активно использовали в процессе строительства Екатеринбургского завода и крепости [Жорепанов, 2001, с. 19]. Как правило, крестьяне заготавливали лес, рубили дрова, выжигали уголь, добывали руду. Из них же со временем начали набирать рабочих (работников) для пополнения кадров в основные цеха уральских заводов [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 450, л. 186 об., 196].

В отличие от крестьян, официально не попавших ни в одну из переписей 1728—1744 годов, бобыли составили довольно представительную группу жителей раннего Екатеринбурга (около 10—13 % от зарегистрированного наличного населения). Потеряв по каким-либо причинам земельный надел, они, чаще всего с семьями, «прибивались» к заводам. Источники фиксируют бобылей на Урале с XVII века, еще до начала строительства казенных заводов [Борисов, 2013, с. 6—26]. Они были заняты в основном на вспомогательных работах, реже — числились при заводе, например, засыпщиками или сторожами [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 450, л. 187 об., 197]. С конца 1725 года бобылям разрешили селиться при заводских поселках: они, как и приписные крестьяне, обязывались отрабатывать подушную подать на заводах [Жорепанов, 2001, с. 38].

Помимо крестьян и бобылей вспомогательную работу на заводе выполняли приписные рекруты. В. де Геннин неоднократно требовал указа

о разрешении рекрутов из приписных к заводам слобод не брать в армию, а оставлять для обучения мастерству на заводах. Результатом его многочисленных прошений стал указ Сената от 14 июля 1725 года, которым было повелено рекрутов из приписных крестьян определять «в заводские работы и обучать всякому мастерству» [ПСЗРИ-I, т. 7, № 4736, с. 506]. Рекруты не отправлялись на службу в другие уезды и губернии. Их оставляли при заводах, где они осваивали профессию и работали на производстве. Как правило, такие новонабранные рекруты занимались муштрой по воскресеньям, а в остальное время трудились на благо горнозаводского ведомства [Земцов и др., 1992, с. 25, 29; Бородина, 2021, с. 33—48; ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 122, л. 91, 388, 451, 487; Там же, д. 123, л. 6—14 об.]. Анализ количественных данных показал, что рекруты составляли значительную часть населения Екатеринбурга, которая к тому же постоянно росла. Если в 1728 году из 2837 человек 87 имели статус рекрутов (3 %), то в 1738 году их число выросло до 168 человек, что составило около 14 % от всех зарегистрированных в полицейской переписи лиц мужского пола. Схожие тенденции видны при анализе социального состава трудящихся на Екатеринбургском заводе. В 1734 году в переписи было зафиксировано 130 рекрутов (12 %), 117 из которых (11 %) были заняты на горнозаводских работах. В 1744 году количество рекрутов увеличилось до 333 человек, что составляло около 20 % от числа лиц, находившихся в ведомстве Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов.

Еще одной социальной группой, которая обеспечивала работу завода, были ссыльные. Изучение документов переписей позволяет сделать вывод, что делопроизводители не всегда отмечали эту категорию населения, чаще записывая при их регистрации статус на производстве. В подворной переписи 1728 года ссыльные не упоминаются, что неудивительно. Долгое время государство не рассматривало отправку ссыльных для работ в восточных регионах страны. Важным законодательным актом, оказавшим влияние на социальную структуру и организацию горнозаводской жизни Урала, является именной указ от 14 марта 1729 года, которым Петр II повелел направить в регион для выполнения тяжелых подсобных работ ссыльных и каторжных колодников из Московской губернии. Больных и немощных осужденных предполагалось возвращать в Тобольск для распределения по другим населенным пунктам Сибири [ПСЗРИ-I, т. 8, № 5383, с. 133—134]. Указы начала 1730-х годов подтвердили взятый властью курс на первоочередную отправку колодников на восток страны [Там же, т. 8, № 5596, с. 302, № 5611, с. 319, № 5980, с. 647; Там же, т. 9, № 6318, с. 24—25, № 6867, с. 718, № 6929, с. 791—792, № 7025, с. 895]. Указом Сибирского обер-бергамта 1733 года присланные на Урал каторжные и ссыльные оказались в исключительном ве-

дении казенных заводов [Байдин, 2015, с. 26]. Видимо, по этой причине в переписи 1734 года среди мастеровых и работных людей ссыльные составляли примерно 25 % от всех работников и служащих Екатеринбургского ведомства (251 из 1001 (1075) человек). В более поздних источниках процент зарегистрированных ссыльных был значительно ниже. В полицейскую опись 1738 года попало всего 53 лица мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет, имевших статус ссыльных (4,4 %). Из 668 зарегистрированных дворов 37 (5 %) принадлежало ссыльным [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 996, л. 307—359 об]. В переписи 1744 года ссыльные среди находившихся в ведении Канцелярии главного Сибирских и Казанских заводов правления не упоминаются. Возможно, это связано с изменением отношения к этой группе населения. Те, кто уже длительное время проживал в Екатеринбурге и его окрестностях, приобрели к этому времени иной статус. Новые партии ссыльных теперь отправляли на другие, более отдаленные заводы Сибири.

Политика «горного начальства», несомненно, способствовала размыванию границ между социально-профессиональными группами. Анализ материалов переписей показывает, что часть лиц, задействованных во вспомогательных работах, постепенно начала пополнять сообщество мастеровых и работных людей. Данная тенденция особенно хорошо видна относительно групп рекрутов и ссыльных, что можно объяснить установкой региональной горнозаводской администрации на то, чтобы всеми возможными методами способствовать увеличению численности профессиональных кадров, трудившихся на фабриках Екатеринбургского завода.

3.4. Население, занятое в административных процессах

Важнейшей социально-профессиональной стратой раннего Екатеринбурга являлась группа «командиров и управителей». Собственно, с формирования этого сообщества начинали на Урале свою деятельность В. Н. Татищев и В. де Геннин. Опытных администраторов остро не хватало даже в высших и центральных учреждениях, особой проблемой было сформировать работоспособный коллектив руководителей на местах. Для решения этой задачи генерал В. де Геннин использовал несколько доступных ему источников привлечения грамотных, имеющих организаторский опыт специалистов. Группа «горных командиров» набиралась из числа: а) кадров центральных учреждений; б) служащих региональных администраций (в основном — Тобольска, Соликамска, контор уже существующих уральских заводов); в) воспитанников военно-учебных заведений Санкт-Петербурга и Москвы; г) отставных военных; д) иностранных специалистов; е) пленных шведской армии, находившихся в ссылке в Сибири. Со временем эта группа стала пополняться наиболее способными выпускниками горнозаводских школ Екатеринбургa [Цеменкова и др., 2022, с. 8—9].

Представители первых трех подгрупп в исследуемый период формировали состав главного органа горнозаводского управления региона — Сибирского обер-бергамта (с конца 1734 года — Канцелярии главного Сибирских и Казанских заводов правления) и его основных контор, располагавшихся в Екатеринбурге. Это были члены присутствия, руководившие деятельностью всей казенной горнозаводской промышленности Казанской и Сибирской губерний, а также главы Екатеринбургского завода, конторы судных и земских дел и прочих. Они составляли от 4 (0,4 %) до 8 (0,7 %) человек от общего учтенного числа населения города.

В особую группу выделяются «служители», состоящие при горнозаводском управлении — горные и инженерно-технические кадры. Ее формировали в основном иностранные специалисты, выпускники военно-учебных заведений, освоившие «горные науки», а со временем — и их ученики из числа школьников Екатеринбурга. Это были специалисты в области горного дела, инженеры, архитекторы, механики, картографы, геодезисты. Их удельный вес в общем количестве учтенного населения был изначально невелик, но тем не менее неуклонно рос — от 5 (0,5 %) в 1728 году до 27 (1,6 %) человек в 1744 году, что говорит об их востребованности в процессах управления. Социальный и национальный состав этой группы был крайне неоднородным [Цеменкова и др., 2022], что вполне характерно для кадровой структуры российской администрации раннего Нового времени.

Важнейший вклад в процессы администрирования вносила также относительно малочисленная группа делопроизводителей. Примечательно, что первые из них прибыли к месту строительства Екатеринбурга вместе с мастеровыми и работными людьми. Ввиду постоянного дефицита представителей этой профессиональной группы в 1720-е годы горные власти иногда вынужденно прибегали к практике временного привлечения подьячих из других учреждений губернии, например, из Вятской провинциальной канцелярии. Социальный состав этой группы был довольно «пестрым»: часть из них происходила из семей священников, солдат, мастеровых, детей боярских и прочих. Кроме того, уже во второй половине 1720-х годов эта профессиональная группа стала пополняться выпускниками горнозаводских школ [Бородина, 2020, с. 214—216; Сафронова, 2022, с. 981]. В целом увеличение количества канцелярских служителей от 53 (5,8 %) в 1728 году до 106 (6,3 %) человек в 1744 году отражало рост бюрократизации аппарата управления.

В повседневных управленческих процессах горнозаводского ведомства участвовал вспомогательный персонал канцелярии и контор. Эта группа представлена рассыльщиками, курьерами, сторожами, разного рода смотрителями, которые так или иначе были задействованы в организационных процессах. Они отвечали, например, за своевременность доставки

документов и информации, за благоприятные и безопасные условия труда в городских учреждениях, направление трудовых ресурсов и специалистов на вспомогательные и квалифицированные заводские работы. В разные годы эта группа насчитывала от 8 до 45 человек. Последовательный рост ее численности свидетельствует, с одной стороны, о значении этой социально-профессиональной общности, с другой — об усложнении структуры горнозаводского ведомства.

Все вышеозначенные в данном разделе группы имели своеобразный кадровый резерв, сформированный усилиями горнозаводской администрации. Речь идет об учениках екатеринбургских учебных заведений, которые в источниках данного периода именуется «школьниками». Первоначально в раннем Екатеринбурге были открыты две школы: словесная и арифметическая. По мнению В. де Геннина, они были нужны для того, чтобы комплектовать из учеников «ко всем горным и заводским делам в мастеровые люди и в протчие чины, також и в подьячие...» [Сафронова, 2000, с. 128]. В середине 1730-х появились также школы немецкая, латинская и знаменования (рисования). Согласно указу, в учебные заведения принимались собранные со всех заводов дети церковников и приказных служителей, мастеров и подмастерьев и всех заводских жителей. По желанию родителей в них также могли принимать детей представителей других сословий. Мальчиков обучали чтению, письму, арифметике, геометрии и черчению [Там же, с. 5, 14]. С начала учреждения школ в Екатеринбурге их деятельность была направлена на подготовку специалистов для ведения делопроизводства в системе горнозаводского ведомства [Там же, с. 112]. Кроме того, еще обучающихся подростков привлекали к записям вспомогательных процессов учета, контроля продукции и людей, составлению разного рода ведомостей и иных документов. По «окончанию наук» некоторые из них искали возможность трудиться на производстве, но большая часть оставалась занятой в работе разного рода канцелярий и контор.

В первые годы деятельности школ учащихся направляли к делам досрочно, еще до завершения курса «наук». Высокие темпы строительства заводов требовали сотни грамотных людей, владеющих чтением, письмом, навыками счета. Помимо Екатеринбурга, школьники направлялись на другие казенные заводы Сибирской губернии [Сафронова, 2000, с. 130].

Количество школьников менялось, и связано это было прежде всего с количеством функционировавших в разное время школ, а также кадровыми потребностями казенных горных заводов. В 1728 году в Екатеринбургских школах насчитывалось порядка 42 (4,6 %), в 1734 году — 98 (9,1 %), в 1744 году — более 263 (15,7 %) учащихся.

3.5. Население, занятое в процессах обеспечения безопасности и социально-экономического благополучия города

На процессы формирования населения завода-крепости большое влияние оказывали особенности политики горнозаводской администрации, направленной на поддержание оптимальной работоспособности занятых в горнозаводском деле жителей. Одним из проявлений такой позиции стал в 1726 году запрет мастеровым людям заниматься ремеслами и торговлей. В то же время горнозаводская администрация охотно разрешала селиться в городе и его окрестностях пришлым ремесленникам, торговцам и купцам [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 53, л. 262—262 об.]. Это привело к созданию за пределами Екатеринбургской крепости слобод, в которых проживали представители различных социальных групп. В частности, там селились крестьяне и бобыли, которые были обязаны трудиться на вспомогательных заводских работах, но в то же время составляли основу для формирования торгово-ремесленного населения (по данным переписей, торговые люди составляли около 1—2 % зарегистрированного наличного населения Екатеринбурга). Они снабжали город продуктами сельского хозяйства, необходимыми бытовыми и хозяйственными изделиями.

Самостоятельную группу населения представляли профессиональные военные. Именно они обеспечивали охрану заводов, поддерживали порядок внутри населенных пунктов, сопровождали в пути караваны с продукцией и пр. Первые военные — четыре роты Тобольского гарнизонного полка — прибыли на строительство завода на Исети еще в конце февраля — начале марта 1723 года. Всего на строительстве работали солдаты двух батальонов общей численностью около 1100 человек [Корепанов, 2001, 2005, с. 12—13]. К 1725 году, после завершения основной стройки, большая часть солдат вернулась в Тобольск. В распоряжении горного начальства оставалась только рота драгун, которой было недостаточно для выполнения многочисленных задач, связанных с повседневной деятельностью казенных заводов Екатеринбургского ведомства. В этой связи в 1728 году из Тобольска на Урал вновь были направлены две роты — по одной в Екатеринбург и Кунгур. Необходимо отметить, что все это время названные воинские подразделения продолжали числиться по Тобольскому гарнизону, а стало быть, состояли в ведении Военной коллегии. Соответственно, в заводские переписи эта группа не включалась. Тем не менее группа военных была достаточно представительной и составляла по всеобщей переписи 1728 года 15,8 %, а вместе с офицерами — 16,7 % от совокупного населения завода-крепости. Но в конце 1734 года было принято решение вернуть в Тобольск солдатскую и драгунскую роты, а в Екатеринбурге сформировать специальную заводскую из числа рекрутов, набранных в приписных слободах. В итоге в на-

чале 1735 года в Тобольск вернулась лишь рота драгун, а при Екатеринбурге вновь состояли две роты — пехотная Тобольская и содержащаяся на заводские средства Екатеринбургская, ставшая первым воинским формированием горнозаводского ведомства. В 1737 году, когда В. Н. Татищев ввел в заводские штаты две заводские роты, Тобольская рота Екатеринбурга также перешла в горнозаводское ведомство. С этого времени при переписи населения, состоящего в ведении Канцелярии, в обязательном порядке указывается численность и состав двух горнозаводских (горных) рот [Лобанов, 2018, с. 398, 400—401]. К середине 1740-х годов рядовые военные и офицеры составляли около 20 % от численности всего зарегистрированного населения Екатеринбурга и являлись одной из крупнейших социально-профессиональных групп, проживавших на территории завода-крепости.

Численность прочих социально-профессиональных групп, входивших в состав населения Екатеринбурга, не превышала 10 %. Так, в течение всего рассматриваемого периода количество церковно- и священнослужителей было стабильным, составляя 4 человека (0,4 %) от зарегистрированного наличного населения будущего города. Все они служили в единственной для того времени церкви завода-крепости, построенной во имя Святой Великомученицы Екатерины.

Данная тенденция просматривается и при анализе численности и состава медицинских работников, количество которых в 1728, 1734 и 1738 годах не превышало 2 (0,2 %). Первоначально медицинские работники трудились в госпитале при Екатеринбургском заводе. Лишь в 1744 году, после включения в состав населения завода-крепости двух рот, в их число вошли военные фельдшеры. Таким образом, в середине 1740-х годов среди медицинских работников было 9 человек (0,5 %).

Количество учителей зависело от количества функционирующих в Екатеринбурге в разное время школ. В 1734 году их было 2 человека, а в 1744 году — уже 4¹. Тем не менее их количество в процентном соотношении не превышало 0,1—0,2 % от зарегистрированного наличного населения завода-крепости.

Не включенные в заводское производство жители, являлись важной частью социальной структуры Екатеринбурга. Эти социальные группы выполняли функции, так или иначе связанные с поддержанием производственных процессов. Они обеспечивали бесперебойную работу социальной инфраструктуры, необходимой для создания благоприятных условий для жизни мастеровых и работных людей и иных социально-профессиональных групп, трудившихся на фабриках Екатеринбургского завода.

1 В 1744 году в Екатеринбурге функционировали — арифметическая, словесная, немецкая школы и школа знаменования [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1071, л. 86—106об].

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на ограниченные сведения переписей и иных источников, анализ содержащихся в них количественных данных позволяет выявить основные социальные группы, проживавшие в раннем Екатеринбурге, и определить направление развития изучаемого сообщества в первые двадцать лет его существования. Структура населения завода-крепости определялась, с одной стороны, наличием здесь крупного производственного комплекса, с другой стороны, необходимостью обслуживания укреплений, поддержания боеспособности гарнизона, требующегося для защиты от не всегда дружелюбных башкир и татар. В связи с этим большинство населения завода-крепости составили мастеровые и работные люди, приписанные для работы на уральских заводах рекруты, а также солдаты, делопроизводители и школьники.

На складывание населения завода-крепости большое влияние оказывала позиция горнозаводской администрации, стремившейся наилучшим образом использовать силы и возможности находящихся в ее ведомстве военных и горнозаводских кадров. Так, запрет работным и мастеровым людям заниматься ремеслами и торговлей в 1726 году стал причиной создания слобод за пределами Екатеринбургской крепости, в которых селились крестьяне, бобыли и представители других социальных групп. В течение второй половины 1720-х годов сформировались новые каналы, использовавшиеся для подготовки и расширения состава специалистов, трудившихся на уральских заводах. Наиболее важными среди них были рекрутские наборы и отправка в регион на тяжелые работы каторжных и ссыльных. Схожие функции имело создание словесных, цифирных и других школ, где обучающиеся не только читали, писали и считали, но и приобретали ценные знания, позволявшие стать канцелярскими служащими или специалистами горнозаводского профиля. В связи с этим к середине 1730-х годов в Екатеринбурге наблюдается формирование группы горных и инженерно-технических специалистов — будущей «интеллектуальной элиты» горнозаводского ведомства. В эту условно выделенную нами группу включены как представители «горных профессий» (например, берггауэры и маркшейдеры), так и технические кадры (в первую очередь механики), чей труд потребовал особой образовательной подготовки и был связан с проектированием и организацией заводского и горнодобывающего производства. К этой же группе можно отнести механических, машинных и пробирных учеников, которые наряду с освоением специфической деятельности также были вовлечены в производственные процессы.

Если рекруты, каторжные и ссыльные постепенно вливались в состав мастеровых и работных людей, постоянно задействованных на фабриках, то бобыли и «купецкие люди» заняли нишу, связанную с производством

и распределением продуктов питания и предметов домашнего обихода. Несмотря на иную сферу занятости, бобыли, как и приписные крестьяне, были обременены отработками в пользу завода. Это создавало возможности для их сближения с мастеровыми и работными людьми. Как и сыновья мастеровых и работных людей, дети бобылей могли поступить в школу, обучение в которой позволяло им занять место в иной социальной группе [Бородина, 2015, с. 40—41].

Во многом социальная структура Екатеринбурга являлась отражением идеологии «регулярного государства», положенной в основу создания нового промышленного и административного центра. Рост численности населения происходил за счет последовательного, но неравномерного увеличения отдельных социальных групп. Количество мастеров, подмастерьев, работников, учеников и делопроизводителей и других категорий профессий регулировалось заводскими и канцелярскими штатами. Правда, помимо штатных, в Екатеринбурге было достаточно «заштатных» работников. Число рядовых в ротах также оставалось более или менее стабильным. В то же время количество рекрутов, принимавшихся на заводы, поступательно росло. Это же касается изменения численности бобылей и торговых и купецких людей, как правило, оседавших за пределами Екатеринбургской крепости и формировавших посад будущего города.

Таким образом, к середине XVIII века по составу и структуре населения Екатеринбург был сопоставим с другими городскими центрами, в том числе с некоторыми городами Центральной России, имевшими длительную историю существования. В то же время, говоря об источниках формирования населения и о ведущих социальных группах, проживавших в городе, новый административный и промышленный центр был во многом похож на новопостроенный Санкт-Петербург, где на верфях и других производствах в большом количестве трудились мастеровые и работные люди, находился большой контингент военных, а также были представлены работники канцелярий, разного рода «школьники» и торговые люди, занимавшиеся обеспечением нового города необходимыми товарами и продуктами питания.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 24 (Уральское горное управление). Д. 26, 53, 122, 123, 450, 610, 996, 1027, 1028, 1071.

2. ПСЗРИ-I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. — Т. 5. 1713—1719. — 781 с.; Т. 7. 1723—1727. — 925 с.; Т. 8. 1728—1732. — 1025 с.; Т. 9. 1733—1736. — 1024 с.

3. РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Ф. 271 (Бергколлегия). Оп. 1. Д. 795.

Литература

1. Агеев И. А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств / И. А. Агеев // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 385. — С. 79—84.

2. Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I : Введ. подуш. подати в России, 1719—1728 гг. / Е. В. Анисимов. — Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1982. — 296 с.

3. Анциферов Н. П. Пути изучения города, как социального организма : Опыт комплекс. Подхода / Н. П. Анциферов. — Ленинград : «Сеятель» Е. В. Высоцкого, 1925. — 148 с.

4. Арсенев К. И. Статистические очерки России / К. И. Арсенев. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук., 1848. — 503 с.

5. Байдин В. И. Кирша Данилов в Сибири и на Урале : историко-библиографические этюды / В. И. Байдин. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 206 с. — ISBN 987-5-7996-1627-4.

6. Биттнер С. Куда идет историческая урбанистика? / С. Биттнер // Антропологический форум. — 2010. — № 12. — С. 26—39.

7. Бондарь В. В. Город в дореволюционной России : к проблеме трактовки понятия / В. В. Бондарь // Культурное наследие России. — 2017. — № 2. — С. 17—24.

8. Борисов В. Е. Гулящие люди, бобыли и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII веке : состав, занятия, статус / В. Е. Борисов // Новый исторический вестник. — 2013. — № 3. — С. 6—26.

9. Бородина Е. В. Повседневная жизнь канцеляристов Среднего Урала в 1725—1734 гг. / Е. В. Бородина // Dzieje biurokracji. — 2020. — Т. XI. — S. 207—226. — DOI: 10.36121/eborodina.DB.2020.11.207.

10. Бородина Е. В. Применение военного законодательства органами власти России в 1725—1734 гг. (на примере деятельности Сибирского обер-бергамта) / Е. В. Бородина // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25. — № 3. — С. 33—48. — DOI: 10.12737/jrl.2021.032.

11. Бородина Е. В. Социальная структура горнозаводского Урала в 1720-е—1730-е годы : границы и маркеры стратификации / Е. В. Бородина // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых : Сборник материалов четвертой Всероссийской молодежной научной конференции. — Новосибирск : Параллель; Институт истории СО РАН, 2015. — С. 40—41.

12. Бородкин Л. И. Компьютерное 3D-моделирование в исследованиях по исторической урбанистике : новые источниковедческие подходы / Л. И. Бородкин // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2015. — № 1. — С. 57—63.

13. Виртшафтер Э. К. Социальные структуры : разночинцы в Российской империи / Э. К. Виртшафтер ; Пер. с англ. Т. П. Вечериной ; Под ред. А. Б. Каменского. — Москва : Логос, 2002. — 271 с. — ISBN 5-94010-134-8.

14. Водарский Я. Е. Исследования по истории русского города : (факты, обобщения, аспекты) / Я. Е. Водарский. — Москва : ИРИ РАН, 2006. — 416 с.

15. *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение) / Я. Е. Водарский. — Москва : Наука, 1977. — 265 с.

16. *Водарский Я. Е.* Население городов России в XVI — начале XVIII вв. (К вопросу о методике изучения численности и состава) / Я. Е. Водарский, В. М. Кабузан // Численность и классовый состав населения СССР (XVI—XX вв.). — Таллин : [б. и.], 1979. — С. 134—141.

17. *Волков М. Я.* Материалы первой ревизии как источник по истории торговли и промышленности России первой четверти XVIII в. / М. Я. Волков // Проблемы источниковедения. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. — Т. 9. — С. 266—306.

18. *Геннин де В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Де В. Геннин ; Авт. вступ. ст. и коммент. М. О. Акишин. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. — 467 с.

19. *Герман К.* Статистические исследования относительно Российской империи. Народонаселение / К. Герман. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1819. — Ч. 1. — XI+2+235+7 с.

20. *Горловский М. А.* Социальный состав населения Екатеринбурга во второй половине XVIII в. / М. А. Горловский // Из истории рабочего класса и революционного движения. — Москва : АН СССР, 1958. — С. 113—121.

21. *Горская Н. А.* Историческая демография России эпохи феодализма : (Итоги и пробл. изуч.) / Н. А. Горская. — Москва : Наука, 1994. — 211 с. — ISBN 5-02-009750-0.

22. *Границы и маркеры социальной стратификации России XVII—XX вв. : векторы исследования* / Под ред. Д. А. Редина. — Санкт-Петербург : Алетей, 2018. — 722 с. — ISBN 978-5-906980-93-9.

23. *Дитягин И. И.* Устройство и управление городов России. Города России в XVIII столетии / И. И. Дитягин. — Санкт-Петербург : Тип. П. П. Меркулева, 1875. — Т. 1. — 563 с.

24. *Екатеринбург : Исторические очерки (1723—1998).* — Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 1998. — 227 с. — ISBN 5884640021, 9785884640023.

25. *Екатеринбург за двести лет (1723—1923 гг.)* / под ред. В. М. Быкова. — Екатеринбург : Юбилейная комиссия Екатеринбургского гор. совета рабочих и красноармейских депутатов, 1923. — 346 с.

26. *Земцов В. Н.* Екатеринбург в мундире / В. Н. Земцов, В. А. Ляпин. — Екатеринбург : Средне-Уральское книжное изд-во, 1992. — 240 с. — ISBN 5-7529-0477-3/5752904773.

27. *Злотников М. Ф.* Первое описание Уральских и Сибирских заводов / М. Ф. Злотников // Геннин де В. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. — Москва : ГИЗ «История заводов», 1937. — С. 11—64.

28. *Исторические очерки : Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии* / А. А. Кизеветтер. — Москва : Территория будущего, 2006. — 442 с. — ISBN 5-91129-030-8.

29. *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий) / В. М. Кабузан. — Москва : АН СССР, 1963. — 230 с.

30. *Карлов В. В.* Л. Янин и «Лаборатория истории русских городов» / В. В. Карлов // Актуальные проблемы гуманитарных и экономических наук. Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции с международным участием. 2020. — Киров : Радуга-ПРЕСС, 2020. — С. 138—139. — ISBN 978-5-6043862-6-2.

31. *Карлов В. В.* К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии / В. В. Карлов // *Русский город : (проблемы горообразование)*. — Москва : Изд-во МГУ, 1980. — Выпуск 3. — С. 66—83.
32. *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития (к постановке вопроса) / В. В. Карлов // *Русский город : историко-методологический сборник*. — Москва : Изд-во МГУ, 1976. — С. 32—69. — ISBN 5211010531, 9785211010536.
33. *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. / А. А. Кизеветтер. — Москва : Унив. тип, 1903. — 810 с.
34. *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства / И. К. Кирилов. — Москва : Наука, 1977. — 443 с.
35. *Клокман Ю. П.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века / Ю. П. Клокман. — Москва : Наука, 1967. — 335 с.
36. *Клочков М. В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения : (1678—1721) / М. В. Клочков. — Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1911. — Т. 1. — 435 с.
37. *Корепанов Н. С.* В раннем Екатеринбурге (1723—1783 гг.) / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. — 252 с. — ISBN 5-7851-0351-6.
38. *Корепанов Н. С.* Первый век Екатеринбурга / Н. С. Корепанов. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. — 273 с. — ISBN 5-7851-0578-0.
39. *Корнилов Г. Е.* Трехсотлетняя демографическая история Екатеринбурга : источники и историография / Г. Е. Корнилов // *Парадигмы и модели демографического развития*. — 2021. — Т. 1. — С. 91—99. — DOI: 10.17059/udf-2021-1-12.
40. *Кошелева О. Е.* Люди Санкт-Петербургского острова / О. Е. Кошелева. — Москва : ОГИ, 2004. — 486 с. — ISBN 5-94282-262-X.
41. *Крогиус В. П.* Исторические города России как феномен ее культурного наследия / В. П. Крогиус. — Москва : Прогресс-Традиция, 2009. — 406 с. — ISBN 5-89826-X.
42. *Кузьмин А. И.* Историко-демографический портрет Екатеринбурга / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева // *Известия Уральского государственного университета*. — 1998. — № 9. — С. 95—100.
43. *Лобанов Д. А.* Екатеринбургские горные роты — первые воинские формирования горного ведомства в 1730-е гг. / Д. А. Лобанов // *История военного дела: исследования и источники*. — 2018. — Т. IX. — С. 398, 400—401.
44. *Ляпин Д.* Ландратские книги : характеристика источника и его информационный потенциал / Д. Лапин // *Quaestio Rossica*. — 2021. — Т. 9. — № 1. — С. 258—259. — DOI: 10.15826/qr.2021.1.577.
45. *Марасинова Л. М.* Русский город. (Историко-методологический сборник) / Л. М. Марасинова. — Москва : Изд-во МГУ, 1976. — 296 с.
46. *Миллюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Н. Миллюкова. — Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1905. — 678 с.
47. *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740—1760-е годы : демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. — Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1990. — 271 с. — ISBN 5-02-027273-6.
48. *Оруджиева А. Г.* Население Екатеринбурга : из прошлого в настоящее / А. Г. Оруджиева // *Екатеринбург : от завода-крепости к евразийской столице : материалы Всерос. Науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23—24 мая 2002 г.* — Екатеринбург : Филантроп, 2002. — С. 108—110.

49. Пулькин М. В. Феномен горнозаводского населения (по материалам Олонецких Петровских заводов) [Электронный ресурс] / М. Ф. Пулькин // *Studia Humanitatis* : [сайт]. — 2018. — № 2. — Режим доступа : <https://st-hum.ru/content/pulkin-mv-fenomen-gornozavodskogo-poseleniya-po-materialam-oloneckih-petrovskih-zavodov> (дата обращения 16.04.2023).
50. Рабинович М. Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) / М. Г. Рабинович // *Советская этнография*. — 1983. — № 3. — С. 19—24.
51. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города / М. Г. Рабинович. — Москва : Наука, 1978. — 328 с.
52. Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории : (краткий очерк экономической истории России) / Н. А. Рожков. — Петроград : Изд-во О. В. Богдановой, 1923. — 155 с.
53. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — 559 с.
54. Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга : (1724—1734). К 275-летию основания / А. М. Сафронова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 144 с. — ISBN 5799600894, 9785799600891.
55. Сафронова А. М. Подъятие казенных заводов Урала в Петровскую эпоху : формирование контингента, условия труда и быта / А. М. Сафронова // *Quaestio Rossica*. — 2022. — Т. 10. — № 3. — С. 976—990. — DOI 10.15826/qr.2022.3.712.
56. Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города : Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. / К. Н. Сербина. — Москва, Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. — 485 с.
57. Цеменкова С. И. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е — 50-е гг. XVIII в. : биографический справочник / С. И. Цеменкова, А. В. Черноухов. — Санкт-Петербург : Алетея, 2022. — 446 с. — ISBN 978-5-00165-567-1.
58. Юдина Т. М. Из истории горнозаводского производства в Олонецком крае / Т. М. Юдина // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2008. — № 1. — С. 43.
59. Burke P. The Language of Orders in Early Modern Europe / P. Burke // *Social Orders and Social Classes in Europe since 1500 : Studies in Social Stratification* / Edited by M. L. Bush. — London ; New York : Longman, 1992. — Pp. 1—12. — ISBN 9781315845081.
60. Cannadine D. Class in Britain / D. Cannadine. — London : Yale University Press, New Haven [etc.], 1998. — 242 p. — ISBN 9780140249545.
61. Chandler T. Four Thousand Years of Urban Growth : An Historical Census / T. Chandler. — Lewiston ; NY : Edwin Meller Press, 1987. — 676 p. — ISBN 978-0889462076.
62. Chandler T. 3000 Years of Urban Growth / T. Chandler, G. Fox. — NY : Academic Press, 1974. — 442 p. — ISBN 978-1483248899.
63. Confino M. The Soslovie (Estate) Paradigm. Reflections on Some Open Questions / M. Confino // *Cahiers du monde russe*. — 2008. — Vol. 49. — № 4. — Pp. 681—704.
64. Dixon S. Russia's Soslovie Paradigm Revisited / S. Dixon // *Slavonic and East-European Review*. — 2015. — Vol. 93. — № 4. — Pp. 732—740.
65. Freeze G. L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History / G. L. Freeze // *The American Historical Review*. — 1986. — Vol. 91. — № 1. — Pp. 11—36.
66. Mousnier R. Social Hierarchies 1450 to Present / R. Mousnier. — London : Schocken Books, 1973. — 206 p. — ISBN 978-0805234831.
67. Reddy W. M. The concept of class / W. M. Reddy // *Social orders and social classes in Europe since 1500 : Studies in social stratification* / Edited by M. L. Bush. — London ; New York : Longman, 1992. — Pp. 13—25. — ISBN 978-0582083431.

68. *Rieber A. J.* Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia / A. J. Rieber. — Chapel Hill : University of North Carolina press, cop. 1982. — Vol. XXVI. — 464 p. — ISBN 0-9078-4305-9.

69. *Smith A. K.* For Common Good and Their Own Well-Being : Social Estates in Imperial Russia / A. K. Smith. — New York : Oxford univ. press, cop. 2014. — Vol. IX. — 278 p. — ISBN 978-0-19-997817-5.

70. *Wirschafter E. K.* From Serf to Russian Soldier. From serf to Russian soldier / E. K. Wirschafter. — Princeton (N.J.) : Princeton univ. press, Cop. 1990. — 214 p. — ISBN 0-691-05585-8.

71. *Wirschafter E. K.* Russia's Age of Serfdom (1649—1725) / E. K. Wirschafter. — Malden, MA [etc.] : Blackwell, 2008. — 287 p. — ISBN 9781405134583.

72. *Wirschafter E. K.* Social Identities in Imperial Russia / E. K. Wirschafter. — Illinois : Northern Illinois University Press, 1997. — 260 p. — ISBN 9780875802312_

Статья поступила в редакцию 12.10.2023,
одобрена после рецензирования 05.11.2023,
подготовлена к публикации 26.11.2023.

Material resources

GASO — *State Archive of the Sverdlovsk region. F. 24 (Ural Mining Administration). D. 26, 53, 122, 123, 450, 610, 996, 1027, 1028, 1071.* (In Russ.).

PSZRI-I — *The complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 1st. From 1649 to December 12, 1825.* (1830). St. Petersburg: Type. of the 2nd Department of its Own E. I. V. Chancery. (In Russ.).

RGADA — *Russian State Archive of Ancient Acts. F. 271 (Berg-collegium). Op. 1. d. 795.* (In Russ.).

References

Ageev, I. A. (2014). Methodological resource of historical urbanism in modern studies of urban spaces. *Bulletin of Tomsk State University*, 385: 79—84. (In Russ.).

Anisimov, E. V. (1982). *Tax reform of Peter I: Introduction. pillows. taxes in Russia, 1719—1728.* Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie. 296 p. (In Russ.).

Antsiferov, N. P. (1925). *Ways of studying the city as a social organism: Experience complex. Approach.* Leningrad: “The Sower” by E. V. Vysotsky. 148 p. (In Russ.).

Arsenyev, K. I. (1848). *Statistical essays of Russia.* Saint Petersburg: Type. Imp. Akad. nauk. 503 p. (In Russ.).

Baidin, V. I. (2015). *Kirsha Danilov in Siberia and the Urals: historical and bibliographic studies.* Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta. 206 p. ISBN 987-5-7996-1627-4. (In Russ.).

Bittner, S. (2010). Where is historical urbanism going? *Anthropological Forum*, 12: 26—39. (In Russ.).

Bondar, V. V. (2017). The City in pre-revolutionary Russia: to the problem of interpretation of the concept. *Cultural Heritage of Russia*, 2: 17—24. (In Russ.).

Borders and markers of social stratification of Russia of the XVII—XX centuries: vectors of research. (2018). Saint Petersburg: Aleteya. 722 p. ISBN 978-5-906980-93-9. (In Russ.).

Borisov, V. E. (2013). Walking people, bobyli and other untagged categories of the population beyond the Urals in the XVII century: composition, occupation, status. *New Historical Bulletin*, 3: 6—26. (In Russ.).

- Borodina, E. V. (2021). Application of military legislation by the Russian authorities in 1725—1734. (on the example of the activities of the Siberian Ober-bergamt). *Journal of Russian Law*, 25 (3): 33—48. DOI: 10.12737/jrl.2021.032. (In Russ.).
- Borodina, E. V. (2020). Daily life of clerks of the Middle Urals in 1725—1734. *Dzieje biurokracji*, XI: 207—226. DOI: 10.36121/eborodina.DB.2020.11.207. (In Russ.).
- Borodina, E. V. (2015). Social structure of the mining Urals in the 1720s—1730s: boundaries and markers of stratification. In: *Actual problems of historical research: the view of young scientists: A collection of materials of the Fourth All-Russian Youth Scientific Conference*. Novosibirsk: Parallel; Institute of History SB RAS. 40—41. (In Russ.).
- Borodkin, L. I. (2015). Computer 3D modeling in research on historical urbanism: new source approaches. *Bulletin of the N. A. Nekrasov KSU*, 1: 57—63. (In Russ.).
- Burke, P. (1992). The Language of Orders in Early Modern Europe. In: *Social Orders and Social Classes in Europe since 1500: Studies in Social Stratification*. London; New York: Longman. 1—12. ISBN 9781315845081.
- Cannadine, D. (1998). *Class in Britain*. London: Yale University Press, New Haven [etc.]. 242 p. ISBN 9780140249545.
- Chandler, T. (1974). *3000 Years of Urban Growth*. NY: Academic Press. 442 p. ISBN 978-1483248899.
- Chandler, T. (1987). *Four Thousand Years of Urban Growth: An Historical Census*. Lewiston; NY: Edwin Meller Press. 676 p. ISBN 978-0889462076.
- Confino, M. (2008). The Soslovie (Estate) Paradigm. Reflections on Some Open Questions. *Cahiers du monde russe*, 49 (4): 681—704.
- Dityatin, I. I. (1875). *Device and management of Russian cities. Cities of Russia in the XVIII century, I*. St. Petersburg: Type. P. P. Merkul'eva. 563 p. (In Russ.).
- Dixon, S. (2015). Russia's Soslovie Paradigm Revisited. *Slavonic and East-European Review*, 93 (4): 732—740.
- Freeze, G. L. (1986). The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History. *The American Historical Review*, 91 (1): 11—36.
- Gennin de, V. (1995). *Ural correspondence with Peter I and Catherine I*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 467 p. (In Russ.).
- Gorlovsky, M. A. (1958). The social composition of the population of Yekaterinburg in the second half of the XVIII century. In: *From the history of the working class and the revolutionary movement*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 113—121. (In Russ.).
- Gorskaya, N. A. (1994). *Historical demography of Russia in the era of feudalism: (Results and probl. studies)*. Moscow: Nauka. 211 p. ISBN 5-02-009750-0. (In Russ.).
- Herman, K. (1819). *Statistical research on the Russian Empire. Population, I*. Saint Petersburg: Type. Imp. Academy of Sciences. XI+2+235+7 S. (In Russ.).
- Historical essays: From the history of political ideas. School and education. The Russian city in the XVIII century*. (2006). Moscow: Territory of the Future. 442 p. ISBN 5-91129-030-8. (In Russ.).
- Kabuzan, V. M. (1963). *Population of Russia in the XVIII — first half of the XIX century. (based on the materials of revisions)*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 230 p. (In Russ.).
- Karlov, V. V. (1976). On the factors of economic and political development (to raise the question). In: *Russian city: a historical and methodological collection*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 32—69. ISBN 5211010531, 9785211010536. (In Russ.).

- Karlov, V. V. (1980). On the question of the concept of an early feudal city and its types in Russian historiography. In: *Russian City: (problems of urban formation)*, 3. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 66—83. (In Russ.).
- Karlov, V. V. (2020). V. L. Yanin and the “Laboratory of the history of Russian cities”. In: *Actual problems of humanities and economic sciences. Collection of materials of the XX International scientific and practical Conference with international participation*. 2020. Kirov: Raduga-PRESS. 138—139. ISBN 978-5-6043862-6-2. (In Russ.).
- Kirilov, I. K. (1977). *Blooming state of the All-Russian state*. Moscow: Nauka. 443 p. (In Russ.).
- Kizevetter, A. A. (1903). *The Posadskaya community in Russia of the XVIII century*. Moscow: Univ. type. 810 p. (In Russ.).
- Klochkov, M. V. (1911). *The population of Russia under Peter the Great according to the censuses of that time. Censuses of households and population: (1678—1721), 1*. St. Petersburg: Senate. type. 435 p. (In Russ.).
- Klokman, Yu. R. (1967). *Socio-economic history of the Russian city. The second half of the XVIII century*. Moscow: Nauka. 335 p. (In Russ.).
- Korepanov, N. C. (2005). *The first century of Yekaterinburg*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 273 p. ISBN 5-7851-0578-0. (In Russ.).
- Korepanov, N. S. (2001). *In early Yekaterinburg (1723—1783)*. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 252 p. ISBN 5-7851-0351-6. (In Russ.).
- Kornilov, G. E. (2021). Three-hundred-year demographic history of Yekaterinburg: sources and historiography. *Paradigms and models of demographic development, 1*: 91—99. DOI: 10.17059/udf-2021-1-12. (In Russ.).
- Kosheleva, O. E. (2004). *People of St. Petersburg Island*. Moscow: OGI. 486 p. ISBN 5-94282-262-X. (In Russ.).
- Krogius, V. R. (2009). *Historical cities of Russia as a phenomenon of its cultural heritage*. Moscow: Progress-Tradition. 406 p. ISBN 5-89826-H. (In Russ.).
- Kuzmin, A. I., Orujieva, A. G. (1998). Historical and demographic portrait of Yekaterinburg. *Proceedings of the Ural State University, 9*: 95—100. (In Russ.).
- Lobanov, D. A. (2018). Yekaterinburg mining companies — the first military formations of the mining department in the 1730s. *History of military affairs: research and sources, IX*: 398, 400—401. (In Russ.).
- Lyapin, D. (2021). Landrat books: characteristics of the source and its information potential. *Quaestio Rossica, 9 (1)*: 258—259. DOI: 10.15826/qr.2021.1.577. (In Russ.).
- Marasinova, L. M. (1976). *Russian city. (Historical and methodological collection)*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 296 p. (In Russ.).
- Milyukov, P. N. (1905). *The state economy of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great*. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich's type. 678 p. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (1990). *Russian city in the 1740s—1760s: demographic, social and economic development*. Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie. 271 p. ISBN 5-02-027273-6. (In Russ.).
- Mousnier, R. (1973). *Social Hierarchies 1450 to Present*. London: Schocken Books. 206 p. ISBN 978-0805234831.
- Orujieva, A. G. (2002). Population of Yekaterinburg: from the past to the present. In: *Yekaterinburg: from the fortress factory to the Eurasian capital: materials of Vseros. Scientific-practical conf. Yekaterinburg, May 23—24, 2002*. Yekaterinburg: Philanthropist. 108—110. (In Russ.).

- Pulki, M. V. (2018). The phenomenon of the mining population (based on the materials of the Olonets Petrovsky factories). *Studia Humanitatis: [website]*, 2. Available at: <https://st-hum.ru/content/pulkin-mv-fenomen-gornozavodskogo-poseleniya-pomaterialam-oloneckih-petrovskih-zavodov> (accessed 16.04.2023). (In Russ.).
- Rabinovich, M. G. (1978). *Essays on the ethnography of the Russian feudal city*. Moscow: Nauka. 328 p. (In Russ.).
- Rabinovich, M. G. (1983). To the definition of the concept of “city” (for the purpose of ethnographic study). *Soviet Ethnography*, 3: 19—24. (In Russ.).
- Reddy, W. M. (1992). The concept of class. In: *Social orders and social classes in Europe since 1500: Studies in social stratification*. London; New York: Longman. 13—25. — ISBN 978-0582083431.
- Rieber, A. J. (1982). *Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia, XXVI*. Chapel Hill: University of North Carolina press, cop. 464 p. ISBN 0-9078-4305-9.
- Rozhkov, N. A. (1923). *City and village in Russian history: (a brief sketch of the economic history of Russia)*. Petrograd: Publishing house of O. V. Bogdanova. 155 p. (In Russ.).
- Ryndzyunsky, P. G. (1958). *Urban citizenship of pre-reform Russia*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 559 p. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2022). Clerks of state-owned factories of the Urals in the Petrine era: the formation of the contingent, working conditions and life. *Quaestio Rossica*, 10 (3): 976—990. DOI 10.15826/qr.2022.3.712. (In Russ.).
- Safronova, A. M. (2000). *The first schools of Yekaterinburg: (1724—1734). To the 275th anniversary of the foundation of the foundation*. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta. 144 p. ISBN 5799600894, 9785799600891. (In Russ.).
- Serbina, K. N. (1951). *Essays from the socio-economic history of the Russian city: Tikhvin Posad in the XVI—XVIII centuries*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 485 p. (In Russ.).
- Smith, A. K. (2014). *For Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia, IX*. New York: Oxford univ. press, cop. 278 p. ISBN 978-0-19-997817-5.
- Tsemenkova, S. I. (2022). *Heads of the apparatus of the mining power of the Urals in the 20s — 50s of the XVIII century: biographical directory*. Saint Petersburg: Aleteya. 446 p. ISBN 978-5-00165-567-1. (In Russ.).
- Vodarsky, Ya. E., Kabuzan, V. M. (1979). Population of Russian cities in the XVI — early XVIII centuries. (On the question of the methodology of studying the number and composition). In: *The number and class composition of the population of the USSR (XVI—XX centuries)*. Tallinn: [B. I.]. 134—141. (In Russ.).
- Vodarsky, Ya. E. (2006). *Research on the history of the Russian city: (facts, generalizations, aspects)*. Moscow: IRI RAS. 416 p. (In Russ.).
- Vodarsky, Ya. E. (1977). *The population of Russia at the end of the XVII — beginning of the XVIII century (number, class composition, placement)*. Moscow: Nauka. 265 p. (In Russ.).
- Volkov, M. Ya. (1963). Materials of the first revision as a source on the history of trade and industry in Russia in the first quarter of the XVIII century. In: *Problems of source studies*, 9. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 266—306. (In Russ.).
- Wirtschafter, E. K. (1990). *From Serf to Russian Soldier. From serf to Russian soldier*. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, Cop. 214 p. ISBN 0-691-05585-8.

- Wirtschafter, E. K. (2008). *Russia's Age of Serfdom (1649—1725)*. Malden, MA [etc.]: Blackwell. 287 p. ISBN 9781405134583.
- Wirtschafter, E. K. (1997). *Social Identities in Imperial Russia*. Illinois: Northern Illinois University Press. 260 p. ISBN 9780875802312.
- Wirtschafter, E. K. (2002). *Social structures: raznochintsy in the Russian Empire*. Moscow: Logos. 271 p. ISBN 5-94010-134-8. (In Russ.).
- Yekaterinburg: Historical essays (1723—1998)*. Yekaterinburg: Publishing house “Yekaterinburg”. 227 p. ISBN 5884640021, 9785884640023. (In Russ.).
- Yekaterinburg for two hundred years (1723—1923)*. (1923). Yekaterinburg: Jubilee Commission of the Yekaterinburg City Council of Workers and Red Army Deputies. 346 p. (In Russ.).
- Yudina, T. M. (2008). From the history of mining production in the Olonets region. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 1*: P. 43. (In Russ.).
- Zemtsov, V. N. (1992). *Yekaterinburg in uniform*. Yekaterinburg: Sredne-Ural Book Publishing House. 240 p. ISBN 5-7529-0477-3/5752904773. (In Russ.).
- Zlotnikov, M. F. (1937). The first description of the Ural and Siberian plants. In: *Gennin de V. Description of Ural and Siberian plants. 1735*. Moscow: GIZ “History of Factories”. 11—64. (In Russ.).

*The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 05.11.2023;
accepted for publication 26.11.2023.*